

АЗБУКА
ФАНТАСТИКА

УИЛЬЯМ ГИБСОН

Граф Ноль

Мона Лиза[•] овердрайв

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73) + 821.111
ББК 84(7Coe) + 84(7Кан)-44
Г 46

William Gibson
COUNT ZERO

Copyright © 1986 by William Gibson
MONA LISA OVERDRIVE

Copyright © 1988 by William Gibson

This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Анны Комаринец
под редакцией Андрея Черткова (романы),
Александра Гузмана (статья)

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

- © А. А. Комаринец, перевод, 1997, 1999
- © А. Б. Гузман, перевод, 2015
- © А. Е. Чертков, статья, 1998, 2015
- © В. В. Еклерис, иллюстрация на обложке,
2015
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-22314-1

Граф Ноль

1

Отлично налаженный механизм¹

«Собаку-хлопушку», предварительно натасканную на его феромоны и цвет волос, Тернеру посадили на хвост в Нью-Дели. Она достала его на улице под названием Чандни-Чоук², проползла на брюхе к арендованному им «БМВ» сквозь лес коричневых голых ног и колес вело-рикш. «Собака» была начинена килограммом кристаллического гексогена, перемешанного с тротиловой стружкой.

Тернер не видел ее приближения. Последнее, что он помнит об Индии, — розовая штукатурка дворца под названием «Отель Кхуш-Ойл».

Поскольку у него был хороший агент, у него был хороший контракт. Поскольку у него был хороший контракт, то буквально час спустя после взрыва он уже был в Сингапуре. По крайней мере, большей своей частью. Хирургу-голландцу нравилось шутить, что некий процент Тернера не вырвался из «Палам Интернэшнл»³ первым рейсом и был вынужден провести ночь в ангаре в резервуаре жизнеобеспечения.

¹ «Smooth Running Gun» — из песни Вуди Гатри «East Texas Red» («I always seen East Texas Red sporting his smooth running gun» — «Рыжий из Восточного Техаса никогда не расставался со своим безотказным стволом»), написанной в 1945 г.

² Чандни-Чоук — торговая улица в Дели, крупнейший рынок Индии, открытый в середине XVII в.

³ Свой роман, вышедший в 1986 г. (журнальная публикация — с января по март, книга — в марте), Гибсон писал еще до того, как делийский аэропорт Палам был переименован в Международный аэропорт имени Индиры Ганди (май 1986 г.).

Голландцу и его бригаде потребовалось три месяца, чтобы собрать Тернера заново. Они клонировали для него квадратный метр кожи, вырастив ее на пластинах коллагена и полисахаридах из акульих хрящей. Глаза и гени- талии купили на свободном рынке. Глаза оказались зеленые.

Большую часть этих трех месяцев Тернер провел в сгенерированном базовой памятью симстим-конструкте — в идеализированном детстве в Новой Англии предыдущего столетия. Визиты голландца представляли серыми пред- рассветными снами, кошмарами, тускневшими, когда светлело небо за окном спальни на втором этаже, где по ночам пахло фиалками. Тринадцатилетний Тернер читал Конан Дойля при свете шестидесятиваттной лампочки под бумажным абажуром с изображениями белоснежных парусников, мастурбировал, вдыхая запах чистых хлопко- вых простыней, и думал о девчонках-чирлидершах. Гол- ландец же по-хозяйски распахивал дверку в тылу его моз- га и задавал всякие разные вопросы; но утром мать звала его завтракать овсянкой и яичницей с беконом, за кото- рыми следовал неизменный кофе с молоком и сахаром.

Однажды утром Тернер проснулся в чужой постели, у окна стоял голландец, заслоняя собой тропическую зе- лень и резавший глаза солнечный свет.

— Можете отправляться домой, Тернер. Мы с вами закончили. Вы теперь как новенький.

Он был как новенький. А толку? Кто ж его знает. За- брав то, что передал ему на прощание голландец, он вы- летел из Сингапура. Домом ему стал «Хайятт» в ближай- шем аэропорту. И в следующем за ним.

И в следующем. И в бог знает каком еще.

Он все летел и летел. Его кредитный чип — черный зеркальный прямоугольник с золотым обрезаем. Люди за стойками, только завидев чип, улыбались, кивали. Распа- хивались и захлопывались за ним двери. Колеса отрыва-

лись от железобетона, тут же появлялась выпивка, стол всегда был накрыт.

В Хитроу огромный ломоть памяти, отколовшийся от пустой чаши неба над аэропортом, рухнул ему на плечи. Не замедляя хода, Тернер сблевал в синюю пластмассовую урну. Оказавшись у стойки в конце коридора, он поменял билет.

На рейс в Мексику.

И проснулся под клацанье стальных корзинок по кафелю, мокрый шорох щеток... Теплое женское тело под боком.

Комната — как высокая пещера. Голый белый пластик четко отражает звук; где-то вдали, перекрывая болтовню служанок в утреннем дворе, бьется прибой. Под пальцами — мятые простыни, шершавый лен, смягченный бесчисленными стирками.

Он вспомнил солнечный свет сквозь стену из тонированного стекла. Пуэрто-Вальярта, бар в аэропорту. Двадцать метров от самолета пришлось пройти пешком, зажмурив глаза от солнца. Вспомнил дохлую летучую мышь, раскатанную в сухой лист по бетону взлетной полосы.

Вспомнил автобус, карабкающийся по горной дороге: вонь от двигателя внутреннего сгорания, ветровое стекло, оклеенное по краю почтовыми открытками с розовыми и голубыми голограммами святых. Поднимающегося уступами ландшафта он не замечал, увлеченный шариком из розового люцита, в сердцевине которого нервно танцевала ртуть. Шар чуть крупнее бейсбольного мяча увенчивал стальной рычаг переключения скоростей. В дутой полости сферы, до половины наполненной шариками ртути, скорчился паук. Ртуть подпрыгивала и перекатывалась, когда водитель лихо заворачивал автобус по серпантину, качалась и подрагивала на прямых отрезках дороги. Набалдашник был самоделкой, нелепой и зловещей; он был здесь, чтобы сказать: «Добро пожаловать в Мексику».

Среди десятка-полутора выданных голландцем микрософтов был один, который позволил бы Тернеру срав-

нительно бегло говорить по-испански. Но в Вальярте он, нащупав выступ за левым ухом, вместо софта вставил заглушку от пыли, спрятав разъем и коннектор за квадратиком микропоры телесного цвета. У пассажира на одном из задних кресел автобуса было радио. В звенящие поп-мотивы периодически врывается голос диктора, чтобы продекламировать, как литанию, цепочки десятизначных чисел — «сегодняшние победители в национальной лотерее!».

Женщина рядом с ним шевельнулась во сне.

Тернер приподнялся на локте, чтобы взглянуть на нее. Лицо незнакомое, но не из тех, к каким приучила его кочевая гостиничная жизнь. Он ожидал увидеть банальную красотку, порождение дешевой пластической хирургии и безжалостного дарвинизма моды, архетип, сварганенный из сотен популярных экранных лиц за последние пять лет.

Что-то от Среднего Запада в линии нижней челюсти, что-то архаичное и очень американское. Бедро прикрито складками голубой простыни. Сквозь деревянные жалюзи косо падает солнечный свет, расчерчивая ее длинные ноги золотыми диагоналями. Лица, рядом с которыми он просыпался в гостиницах мира, были как украшение на автомобильном капоте самого Господа. Спящие женские лица, одинаковые и одинокие, обнаженные, устремленные в пустоту. Но это лицо было иным. Почему-то оно уже соотносилось с неким смыслом. Смыслом и именем.

Он сел, спустив ноги с кровати. Подошвы зарегистрировали на холодной плитке дробь песчинок с пляжа. Стоял слабый всепроникающий запах инсектицидов. Голый, с болезненно пульсирующей головой, Тернер встал. Заставил ноги передвигаться. Пошел, толкнул одну из двух дверей, обнаружил за ней белый кафель, снова белую штукатурку, грушу хромированной головки душа, свисающую с железной трубы, покрытой пятнами ржавчины. Из краев над раковиной сочилась одинаковые струйки теплой, как кровь, воды. Возле пластикового стаканчика лежали антикварные наручные часы, механический «ролекс» на светлом кожаном ремешке.

В забранных ставнями окнах ванной отсутствовали стекла, зато их затягивала мелкая сетка из зеленой пласт-

массы. Выглянув в щелку между деревянными планками, Тернер поморщился от резкого жаркого солнца, увидел пересохший фонтан, выложенный плиткой в цветочек, и ржавый остов «фольксвагена» модели «рэббит».

Эллисон. Вот как ее зовут.

На ней были поношенные шорты цвета хаки и его белая футболка. Ноги — дочерна загорелые. Запястье обвивал ремешок из свиной кожи, на ремешке — механический «ролекс» в тусклом корпусе из нержавеющей стали. Они отправились погулять вдоль изгиба пляжа по направлению к Барре-де-Навидад, держась линии прибой с узкой полоской плотного мокрого песка.

У них уже была общая история: он помнил ее этим утром у стойки в маленьком, с железной крышей меркадо. Помнил, как она обеими руками держала огромную глиняную кружку с дымящимся кофе. А он, тортильей подбывая сальсу и яичницу с потрескавшейся белой тарелки, смотрел, как мухи кружат в пальцах солнечного света, пробивающегося сквозь лоскутное одеяло тени, накинутое пальмовыми листьями и рифлеными стенами кафе. Невнятный разговор о ее работе в адвокатской конторе в Лос-Анджелесе, о том, как она живет одна в каком-то из ветхих понтонных городков, стоящих на приколе за Редондо. Он, кажется, сказал, что занимается кадрами. Так или иначе, когда-то занимался.

— Может, подыщу себе какую-нибудь другую работу...

Но разговор казался вторичным по сравнению с тем, что возникло между ними. Вот над их головами, паря в бризе, зависла птица-фрегат, скользнула в сторону, развернулась и исчезла. Оба вздрогнули от такой свободы, от бездумного птичьего скольжения. Эллисон сжала его руку.

По пляжу, приближаясь к ним, вышагивала синяя фигура — военный полицейский направлялся в город, сияющие черные сапоги казались нереальными на фоне пастельных красок пляжа. Когда полицейский с темным и неподвижным лицом под зеркальными очками проходил мимо, Тернер заметил лазерный карабин «стайнер-

оптик» с прицелом «фабрик-насьональ». Синяя гимнастерка была безупречно отглажена, стрелки брюк жестки и остры, как лезвие ножа.

Большую часть своей взрослой жизни Тернер, хотя никогда и не носил мундира, был солдатом. Солдатом удачи. Наемником. Его работодатели — огромные корпорации, втайне воюющие между собой за контроль над мировой экономикой. Его специализация — топ-менеджеры и ведущие ученые. Транснационалы, на которых он работал, никогда не признают существование людей, подобных Тернеру...

— Прошлой ночью ты оприходовал почти всю бутылку «Эррадуры», — сказала женщина.

Тернер кивнул. Ее рука в его ладони была сухой и теплой. Он смотрел, как Эллисон ставит ногу на песок, как раздвигаются при этом пальцы. Розовый лак на ногтях совсем облупился.

Накатили буруны с прозрачной, как зеленое стекло, кромкой.

На загорелой коже Эллисон мелкими бусинами осела водяная пыль.

После того первого дня вместе жизнь вошла в простую колею. Они завтракали в меркадо за бетонной стойкой, вытертой до гладкости полированного мрамора. Утро проводили купаясь, пока солнце не загоняло их назад в защищенную ставнями прохладу гостиницы, где они занимались любовью под медленно кружащими лопастями деревянного вентилятора, потом спали. Под вечер отправлялись обследовать путаницу узких улочек позади авенюды или уходили к холмам. Обедали на верандах ресторанов с видом на пляж и пили вино в патио белых гостиниц. В волнах прибоя качался лунный свет.

И постепенно, без слов, она научила его новому виду страсти. Он привык к тому, чтобы его обслуживали, к безликому сервису умелых профессионалок. Теперь же, в белой пещере комнаты, он стоял на коленях на плитке пола. Опуская голову, ласкал ее языком; тихоокеанская соль

смешивалась с ее собственной влагой, внутренняя поверхность бедер, прижатая к его щекам, была прохладной. Покачивая ладонями ее бедра, он сжимал их, поднимал как чашу, плотно прижимаясь губами, пока язык его искал локус, точку, частоту, которая приведет ее к дому. Потом с усмешкой забирался сверху, входил и искал собственную дорогу к дому же.

А иногда, после, он говорил — и долгие разворачивающиеся спирали расплывчатого рассказа вплетались в шум моря. Эллисон говорила очень немного, но он научился ценить то малое, что она говорила. И всегда она обнимала его. И слушала.

Прошла неделя, за ней другая. В их последний день вместе Тернер проснулся в той же прохладной комнате, увидел Эллисон рядом. За завтраком ему почудилось, что он уловил в ней перемену, какую-то непривычную напряженность.

Они загорали, плавали, и в знакомой постели он забыл о смутном привкусе беспокойства.

Под вечер Эллисон предложила пойти погулять по пляжу к Барре, как они ходили в то первое утро.

Тернер извлек из разъема за ухом заглушку и вставил «занозу» микрософта. Структура испанского языка опустилась сквозь него, как стеклянная башня, невидимые ворота распахнулись в настоящее и будущее, в условное и предпрошедшее. Оставив ее в комнате, он пересек авениду и вошел на рынок. Купил соломенную корзинку, несколько банок холодного пива «Карта бланка», сэндвичи и фрукты. По дороге назад взял у торговца на авениде новую пару солнечных очков.

Его загар был теперь коричневым и ровным. Угловатые заплатки, оставшиеся после пересадки ткани, исчезли, а Эллисон научила его единству тела. По утрам, встречая в зеркале в ванной взгляд зеленых глаз, он наконец уверовал в то, что они его собственные. Да и голландец перестал тревожить его сны дурацкими шутками и сухим кашлем. И все же временами ему снилась Индия, страна,

которую он едва успел узнать. Индия, разлетевшаяся вдребезги яркими осколками: улица Чандни-Чоук, запах пыли и жареных лепешек.

Стены полуразвалившегося отеля стояли на четверти пути к Барре, если идти вдоль дуги залива. Прибой здесь был сильнее, и каждая волна разбивалась маленьким взрывом.

Сейчас Эллисон тянула его к этому отелю. В углах ее глаз появилось что-то новое, какая-то натянутость. Чайки разлетелись врассыпную, когда они рука об руку вышли на пляж, чтобы заглянуть в тень за пустым дверным проемом. Песок под фундаментом просел, и фасад обвалился, оставив перекрытия этажей свисать огромными полотнищами на погнутых ржавых сухожилиях. На каждом перекрытии пол был выстлан другим узором разноцветной плитки.

«ГОСТИНИЦА „PLAYA DEL M.“» — заглавные буквы были выложены будто рукой ребенка — морскими ракушками, вдавленными в бетонную арку.

— Мар¹, — сказал он, заканчивая слово, хотя и вынул уже микрософт.

— Все кончено, — сказала она, входя в тень арки.

— Что кончено?

Он вошел следом; плетеная корзинка терлась о бедро. Песок здесь был холодным, сухим и рассыпался под ногами.

— Кончено. С этим местом покончено. Здесь нет ни времени, ни будущего.

Он недоуменно уставился на нее, потом перевел взгляд туда, где у стыка двух осыпающихся стен переплелись ржавые кроватные пружины.

— Мочой пахнет, — сказал он. — Пошли купаться.

Море смыло озноб, но между ними теперь повисла какая-то отстраненность. Они сидели на одеяле из комнаты Тернера и молча ели. Тень от развалин медленно удлиня-

¹ Playa del mar (*исп.*) — морской пляж.

лась. Ветер играл выгоревшими на солнце волосами Эллисон.

— Глядя на тебя, я думаю о лошадях, — сказал он наконец.

— Ну, — проговорила она, будто из глубин усталости, — они только тридцать лет как вымерли.

— Нет, — сказал он, — их волосы. Волосы у них на шеях, когда лошади бегут.

— Гривы, — сказала она, на глазах у нее выступили слезы. — Сволочи. — Эллисон сделала глубокий вдох. Отбросила на песок пустую банку из-под «Карта бланка». — Они, я — какая разница? — Ее руки снова обняли его плечи. — Ну давай же, Тернер. Давай.

И когда она ложилась на спину, утягивая его за собой, он заметил что-то — кораблик, превращенный расстоянием в белую черточку дефиса, — там, где вода соприкасалась с небом. Садясь на одеяле, чтобы натянуть обрешанные джинсы, Тернер увидел яхту. Теперь суденышко было гораздо ближе, грациозная запятая белой палубы легко скользила по воде. Глубокой воде. Судя по силе прибоя, пляж, очевидно, обрывался здесь почти вертикально. Вот почему череда гостиниц кончалась там, где она кончалась, в нескольких километрах от этого места, и вот почему руины не устояли. Волны подточили фундамент.

— Дай мне корзинку.

Она застегивала пуговицы блузки. Эту блузку он купил ей в одной из усталых лавчонок на авениде. Мексиканский хлопок цвета электрик, плохо обработанный. Одежда, которую они брали в местных магазинах, редко протягивала дольше одного-двух дней.

— Я сказал, дай мне корзинку.

Дала. Он покопался среди остатков их ужина, под пластиковым пакетом с ломтиками ананаса, вымоченными в лимонной цедре и присыпанными кайенским перцем, нашел бинокль. Вытащил. Пара компактных боевых очков шесть на тридцать. Щелчком поднял вверх внутреннюю крышку с объективов и, приладив дужки, стал изучать обтекаемые иероглифы логотипа «Хосаки». Желтая надувная шляпка обогнула корму и вырулила к пляжу.

— Тернер, я...

— Вставай, — сказал он, заталкивая одеяло и ее полотенце в корзинку.

Вынул последнюю, уже теплую банку «Карта бланка», положил ее рядом с биноклем. Встал и, рывком подняв Эллисон на ноги, насильно всунул ей в руки корзинку.

— Возможно, я ошибаюсь, — сказал Тернер. — Но если нет, то уноси ноги, беги что есть сил. Свернешь к тем, дальним пальмам. — Он указал куда-то в сторону. — В гостиницу не возвращайся. Садись на автобус до Мансанильо или Вальярты. Поезжай домой.

До него уже доносилось мурлыканье мотора.

Из глаз ее потекли слезы, но беззвучно. Эллисон крунулась на пятках и побежала мимо развалин, вцепившись в корзинку, спотыкаясь на разъезжающемся песке. И ни разу не обернулась.

Тернер снова устался на яхту. Надувная шлюпка уже прыгала по волнам прибоя. Яхта называлась «Цусима», и в последний раз он видел ее в Хиросимском заливе. Но тогда он стоял на ее палубе и смотрел на красные ворота синтоистского храма в Ицукусиме.

Зачем бинокль, если и так ясно, что пассажиром шлюпки окажется Конрой, старший над ниндзями «Хосаки». Скрестив по-турецки ноги, Тернер сел на остывающий песок и открыл свою последнюю банку мексиканского пива.

Тернер не отрываясь глядел вдаль на череду белых гостиниц, руки неподвижно лежали на тиковых перилах «Цусимы». За гостиницами горели три голограммы городка — «Vanatex», «Aeronaves» и шестиметровая Богородица местного собора.

Конрой стоял рядом.

— Срочная работа, — сказал наконец Конрой. — Сам знаешь, как это бывает.

Голос Конрой был плоским и безжизненным, будто в подражание дешевому аудиочипу. Лицо — широкое

и белое, мертвенно-белое. Черные круги, мешки под глазами и грива выбеленных, зачесанных назад волос. На Конрое была черная рубашка поло и черные брюки.

— Пошли внутрь, — поворачиваясь, сказал он.

Тернер безучастно последовал за ним, пригнувшись, чтобы войти в дверь каюты. Белые ширмы, светлая сосновая обшивка — строгий шик токийских корпораций.

Конрой уселся на низкий прямоугольный пуф из синевато-серой искусственной замши. Тернер остался стоять, руки расслабленно висят по бокам; между ним и Конроем — стол. Конрой взял со стола серебряный, с насечками, ингалятор.

— Дохнешь усилитель холина?

— Нет.

Вставив ингалятор в ноздрю, Конрой затаился.

— Хочешь суси? — Он отставил ингалятор на стол. — С час назад мы поймали пару окуней.

Тернер не шевельнулся, по-прежнему в упор глядя на Конроя.

— Кристофер Митчелл, — негромко произнес Конрой. — «Маас-Биолабс». Руководитель их гибридного¹ проекта. Он переходит в «Хосаку».

— Никогда о нем не слышал.

— Так я тебе и поверил. Хочешь выпить?

Тернер покачал головой.

— Кремний — уже вчерашний день, Тернер. Митчелл — это тот самый, кто заставил работать биочипы, а «Маас» сидит на всех базовых патентах. Ну да кому я рассказываю. Митчелл — спец по моноклональным антителам. Он хочет выбраться. Ты и я, Тернер, мы с тобой должны его вытащить.

— Я думал, я в отставке, Конрой. Мне неплохо отдохнуло.

¹ Гибридома — гибридная клеточная линия, производящая моноклональные антитела. В 1984 г. за открытие принципа получения моноклональных антител Мильштейн, Кёлер и Йерне получили Нобелевскую премию по медицине.

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАФ НОЛЬ

Перевод А. Комаринец под ред. А. Черткова

1. Отлично налаженный механизм	9
2. Марли	20
3. Бобби влип, как вильсон	29
4. Вахту принял	32
5. Работа	40
6. Барритаун	43
7. Город в пустыне	59
8. Париж	68
9. Вверху, в Новостройках	72
10. Ален	82
11. На площадке	87
12. Кафе «Блан»	100
13. Обеими руками	104
14. Ночной полет	118
15. Шкатулка	134
16. Легба	145
17. Беличий лес	168
18. Имена мертвых	184
19. «Гипермаркт»	193
20. Рейс из Орли	198
21. Время трассы	201
22. «У Джаммера»	213
23. Приближение	224
24. Тарань!	234
25. Фоннаты и готики	240
26. Виг	248
27. Дыхание станций	257

28. Джейлин Слайд	268
29. Шкатулочник	277
30. Наемник	283
31. Голоса	288
32. Счет ноль.	292
33. Обломки крушения и водоворот.	300
34. Цепь в девять миль длиной	302
35. Тэлли Ишем	307
36. Беличий лес	309

МОНА ЛИЗА ОВЕРДРАЙВ

Перевод А. Комаринец под ред. А. Черткова

1. Большой Дым	313
2. Малыш Африка	322
3. Малибу.	329
4. Сквот	337
5. «Портобелло»	344
6. Утренний свет.	353
7. Там нет никакого там	359
8. Техасское радио	370
9. Лечь на дно	380
10. Образ	390
11. На главной улице	399
12. Антарктика начинается здесь	412
13. Подвесной мостик	422
14. Игрушки	425
15. Серебряные прогулки	430
16. Нить накаливания в слое нагара	439
17. Дерганый город	447
18. Тюремный срок	451
19. Под ножом	457
20. Хилтон Свифт.	462
21. «Алеф»	467
22. Призраки и пустота	472
23. Свет мой, зеркальце	486
24. В безлюдном месте	492
25. Назад на восток	498

26. Куромаку	505
27. Злая дама	516
28. Компания	521
29. Зимний путь	526
30. Добыча	533
31. 3-Джейн	538
32. Зимний путь (2)	546
33. Звезда	549
34. Маргейт-руд	556
35. Война на Фабрике	563
36. Ловец душ	569
37. Журавли	573
38. Война на Фабрике (2)	585
39. Слишком много всего	589
40. Розовый атлас	598
41. Мистер Янака	602
42. В цеху Фабрики	606
43. Судья	611
44. Красная кожа	616
45. Гладкий камень вдали	617
От автора. Перевод А. Гузмана	622
<i>Андрей Чертков. Роман с киберпанком</i>	627

Гибсон У.

Г 46 Граф Ноль ; Мона Лиза овердрайв : романы / Уильям Гибсон ; пер. с англ. А. Комаринец, А. Гузмана. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 640 с. — (Азбука-фантастика).

ISBN 978-5-389-22314-1

«Граф Ноль» и «Мона Лиза овердрайв» — продолжения открывшего трилогию «Киберпространство» романа «Нейромант»; этот классический дебют жанрового революционера, которому оказались тесны рамки любого жанра, собрал все главные фантастические награды («Хьюго», «Небьюла», премия имени Филипа Дика) и стал международным бестселлером. Трилогия определила лицо современной литературы на десятилетия вперед и явилась краеугольным камнем киберпанка — стиля и культурного феномена. Будущее здесь — это мир высоких технологий и биоинженерии, глобальных компьютерных сетей и всемогущих транснациональных корпораций, мир жестокий и беспощадный. Здесь японская мафия исповедует идеалы древнего самурайского кодекса, виртуальный мир населен персонажами вудуистского пантеона, а девушка, умеющая входить в киберпространство без компьютера, становится для своего поколения богиней...

УДК 821.111(73) + 821.111
ББК 84(7Сое) + 84(7Кан)-44

Литературно-художественное издание

УИЛЬЯМ ГИБСОН
ГРАФ НОЛЬ
•
МОНА ЛИЗА ОВЕРДРАЙВ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Андрей Чертков
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректоры Валентина Гончар, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.12.2022. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 28,2. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА@
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AKF-31278-01-R